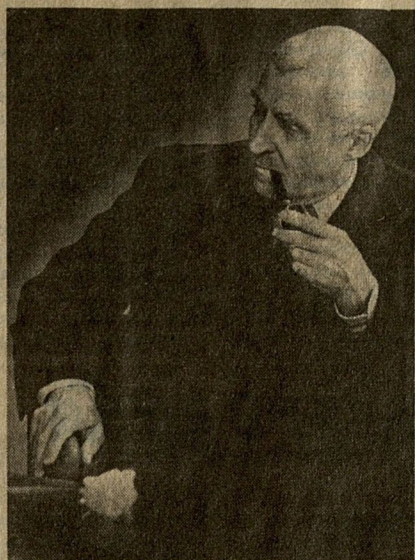

«...бы словно бы погружаетесь в атмосферу солдатской жизни на войне»

24 июня 1941 года, получив в Главпу-ре назначение в газету «Боевое знамя» 3-й армии, дислоцировавшейся в районе Гродно, Константин Симонов выехал на фронт. За четыре года войны где только не пришлось ему побывать в качестве фронтового корреспондента «Красной звезды». В июле сорок первого он выбирался из окружения под Могилевом. Ходил в атаку со стрелковой ротой на Арабатской стрелке в Крыму. За Полярным кругом высаживался в тыл противника с диверсионной группой моряков-разведчиков. Видел, как сражались в осажденной Одес-

се и пылающем, превращенном в руины Сталинграде. Ходил на подводной лодке, минировавшей румынские порты, и летал к югославским партизанам. Был на Курской дуге и на линии Маннергейма во время прорыва ее советскими войсками. Входил с частями пехотинцев в первые освобожденные от захватчиков города Подмосковья и прибыл в Феодосию сразу же после того, как там был высажен наш десант. Участвовал в знаменитой встрече на Эльбе наших и американских войск и присутствовал при подписании Кейтелем в Карлсруте акта о безоговорочной ка-

питуляции. Но даже поверженный Берлин — не последний пункт фронтовых командировок Симонова, самая последняя привела его 10 мая сорок пятого в Прагу, куда, выбывая немцев, входили наши танки...

Он был переполнен увиденным и пережитым в те годы. Война стала для него не просто материалом для творчества, а судьбой, самым большим потрясением в жизни, не зря он через много лет после победы писал:

Она такой вдавила след
И столько наземь положила,
Что двадцать лет и тридцать лет
Живым не верится, что живы.

Вот почему и после войны Симонов со свойственными ему целеустремленностью и упорством продолжал набирать материал войны, постоянно встречаясь для бесед с ее участниками. У этих бесед есть свои особенности, они отличаются от бесед военного времени.

Вот что говорил об этом сам Симонов: «...В нынешних беседах солдат вспоминает всю войну — многие бои и многие подвиги, он их внутренне постоянно сопоставляет и сравнивает, в его сознании они взаимосвязаны... Вспоминает все подряд, и, слушая его, вы словно бы погружаетесь в атмосферу солдатской жизни на войне». В таком рода воспоминаниям и относится записанный Симоновым рассказ Г. Т. Завизиона о боях под Москвой.

Запись беседы печатается по оригиналу, находящемуся в архиве К. М. Симонова, который хранится в его семье.

Л. ЛАЗАРЕВ.

Краткая запись беседы с Гавриилом Тимофеевичем

Завизионом (в 1941 году командир батальона танковой бригады Ремизова).

Вступил в бой под Ельней в июле 1941 года. Бригада была укомплектована целиком Т-26. Вступили в бой сразу, как только разгрузились. Наш батальон был головным, и его первым бросили в атаку. Атака была без всякой разведки, просто было указано направление и сказано: «Атакуйте!»

Пошли в атаку, не видя противника. Задача была выйти на окраину Ельни. Пошли. Как только вышли на открытое место, немцы с двух сторон — с окраины Ельни и еще с одного пункта — стали бить по нам артиллерией. Били с обеих сторон кинжальным огнем в борт. Танки стали гореть — один за другим.

Я некоторое время вел огонь, прикрываясь от противника корпусом другого, сгоревшего танка. Но вскоре все-таки и нас подожгли.

Вылез я из танка, правда, благополучно, а кругом все горело. Танки не отходили, а топтались на месте, и их зажигали один за другим. Мы сняли с танка пулемет, вернулись, и я доложил командиру бригады о положении, но доклад был оставлен без внимания. Через два часа, уже глядя на ночь, по нашим же следам сунули второй батальон, и он тоже на две третьих пропал.

Ночью мне было приказано вытаскивать танки. Состояние было к этому времени тяжелое. Я видел, танки жгли, как свечи, один за другим, и мой танк сожгли тоже. А я приехал на фронт молодым офицером, уверенный, что на своем танке смогу делать, что угодно, а оказалось, что я почти ничего не могу, а наоборот, со мной все, что угодно, могли сделать.

Ночью, когда стали вытаскивать танки, я несколько успокоился. Противник не казался мне уже таким страшным, потому что я всю ночь ходил по этому полю, которое казалось мне таким страшным днем, ходил от танка к танку, хотя немцы наугад вели пулеметный и минометный огонь, чтобы помешать нам вытаскивать танки, а сами вперед не вылезали. Но ночью я уже не так боялся огня их, ходил от танка к танку, прицеплял, вытаскивал, и хотя чувствовал, что немцы близко, но не боялся их.

А утром, когда вытаскивали танки, началось самое тяжелое дело — похороны. Нам ведь, танкистам, не то, что пехоте хоронить. Там что — сложили в яму и похоронили. А тут из сгоревших или разбитых танков надо вытаскивать все, что осталось внутри, и в каком виде все это — трудно передать. В общем, наши танкистские похороны связаны и с чисткой танков, и с мытьем, потому что надо вымыть и вычистить танк прежде, чем новый экипаж сядет и пойдет в бой. В первое время после таких похорон и такой уборки танков я по несколько дней не мог есть.

Потом, несколько позже, к нам под Ельню поступили Т-34 и КВ. У меня были КВ, несколько танков. Меня назначили командиром роты тяжелых танков, потому что я окончил училище по тяжелым танкам. Ну это было совсем другое дело! КВ и «тридцатьчетверки» ходили безбоязненно, артиллерия немцев в первое время не могла их пробить. «Тридцатьчетверки» могли подбить только исключительно

Беседа записана в Москве в конце марта 1959 года. Публикуется с сокращениями.

Завизион Гавриил Тимофеевич (1918—1974) — советский военачальник, генерал-лейтенант, доктор исторических наук, в то время, когда происходила публикуемая беседа, начальник кафедры Военной академии бронетанковых войск. Г. Т. Завизион ездил с Симоновым в те места в Подмосковье, где сейчас и зимой сорок первого года воевала его бригада.

Ремизов Федор Тимофеевич (1895—1974) — советский военачальник, генерал-лейтенант танковых войск. Во время московской битвы командовал танковой дивизией, а затем группой войск.

удачным попаданием в хвост или в створ между корпусом и башней, а КВ вообще никакая артиллерия тогда не брала. Только потом, несколько позже, немцы приспособили для борьбы с КВ очень сильную 80-миллиметровую зенитную пушку и стали подбивать нас.

Вообще, надо сказать, в тот период немецкая пехота не была вооружена ничем существенным против танков, а чтобы немец бросил под танк гранату, я такого случая не помню за всю войну. Если на нас не обрушивалась артиллерия, то пехоту мы, как правило, разгоняли.

Вообще тогда ходили в бой без артподдержки, без разведки, в том числе бросали часто без разведки и новую технику. Помню, целый отряд «тридцатьчетверок» у нас загубили — послали без разведки, загнав в болото с вечера, а утром немцы так и расстреляли их неподвижных.

На рассвете 2 октября по всему фронту открылся сильный, ураганный огонь, а еще с ночи поднялась уйма осветительных ракет. Танков у нас в это время было очень мало, ожидали переформирования. Последние танки потеряли в первые же дни выхода из окружения. Все имевшиеся танки свели с самого начала в один батальон, а остальные батальоны дрались, как пехота, чисто без винтовок, только с пистолетами и гранатами. Правда, комиссар бригады сумел сохранить автомашину, это было важно, а кроме того, комплект из нас пехоту, не разбивали экипажи. Таким образом, когда мы выбрались, отчасти пешком, отчасти на машинах, через Спас-Деменск на Вязьму, то у нас осталось столько грузовиков, что мы смогли практически поднять на них весь наличный состав, оставшийся после боев. Надо сказать, состав этот был очень, конечно, пощипанный, и поэтому нас своим ходом отправили на переформирование.

16 октября, как раз в этот день, мы ехали через Москву на Горький целой колонной грузовиков. Экипажи, повторю, были сохранены как таковые, и там, где были потеряны, доукомплектованы за счет расформированных экипажей. В общем, мы были готовы принять танки и опять воевать.

Помптех у меня был москвич, помню, что даже к нему захвали перекусить. Поездка через Москву была тяжелая. Я выехал вперед и с самого утра расставил по маршруту нашего следования танкистов, чтобы не запутаться, а направиться прямо на шоссе Энтузиастов.

Когда выехали на это шоссе, по нему сплошным потоком шли люди, учреждения и просто группы людей, и поодиночке, и сильно нагруженные, и совсем налегке, шли и грузовики, набитые людьми и барахлом, легкие машины...

И уже наблюдали с 17-го числа, с утра, как работали заградотряды, тройки. Эти заградительные отряды составлялись из числа тех, кто шел пешком. Задерживали главным образом тех, кто ехал на легковых машинах, этих проверяли.

Когда мы приехали в Сормово, сразу вместе с рабочими начали заниматься сборкой машин, и это заняло около двух недель...

Вернулись в Москву шестолетом 7 ноября. Нас бросили на Подольск. Мы разгрузились на железной дороге и пошли дальше своим ходом. У нас были КВ и «тридцатьчетверки». Пошли своим ходом с Курской-товарной через Москву и через Красную площадь и через Красную площадь шли на рассвете и еще не знали, что будет парад, и даже не заметили подготовки к нему. На рассвете, даже еще ночь была, пустынно было, совершенно пустынно. Снежок падал. Сначала забрался на Красную площадь, потом спустился с нее. Так она и запомнилась — в снегу, пустая, и снег все валит и валит...

А вечером 7 ноября я на своем КВ вступил в бой вместе с сибирскими стрелками одной из сибирских стрелковых дивизий. В этот и в следующий день мы проводили частные атаки южнее Подольска с целью задержать противника, побеспокоить его, сорвать наметившееся наступление.

Под Подольском дрались три дня, потом пришел приказ перебросить нас. Мы перешли своим ходом по рокадным дорогам западной Москвы из Подольска к Черной Грязи, в район, где немцы в то время прорвались. Первую задачу нам установил сам Рокоссовский.

Как-то я возвращался из бригады в батальон, как раз немец налетел на Черную Грязь. Ну куда же деться во время налета? Главное спасение — ювет. А когда встал — видите этот домик, вон стоит — его разбило, а там, видимо, была чья-то хорошая библиотека. Дом разбило, а книги по снегу разбросало. Я шел мимо и взял одну — это была «Сестра Керри». Потом в лесу между атаками во время дежурства читал, так всю и прочел и удивительно хорошо запомнил.

Немцы обходили, вернее, пытались обойти, оборону правее нас. Все время атаковали то одну, то другую соседние деревни. Пехота то и дело отступала, и нам приходилось потом при помощи танковых атак восстанавливать положение и возвращать пехоту на исходные.

Танки, которые выбывали из строя, — правда, потери в это время у нас были небольшие — приказано было не отправлять в Москву на ремонт, их просто оттащивали на шоссе, и они стояли в подходящих местах, оставались вместе с экипажами, чтобы в случае прорыва действовать там, на шоссе. Но немцы довольно быстро почувствовали, что по шоссе прямо им не прорваться, и все обходили и обходили правее нас лесами, стремясь проткнуться на Химки.

Была такая деревня Полярково, впереди нас, ее раза три пехота оставляла. Немцы поднажмут, нашумят автоматным огнем и ворвутся в деревню. Потом нас посылают вышибать их. Пойдем на нескольких КВ, на пяти-шести, вышибем и опять туда втащим пехоту свою; опять ее немцы к вечеру вышибут... Так три раза, по моему, повторялось...

О нашем наступлении под Москвой узнали накануне вечером. Но, правда, было и раньше ощущение, что наступление готовится. Я отпросился как-то в Москву в баню, так, проезжая, кое-что видел. А вообще были слухи в последние несколько дней, что вот сибиряки пришли, теперь мы немцам дадим жизни...

Во время наступления бригада шла сначала на Крюково, потом на Волоколамск. Надо сказать, что отступление немцев нас очень радовало. Впервые мы осуществляли преследование немцев, это откладывало след в душе.

Был такой эпизод: подходя к одной деревне, я вдруг увидел, что в деревню втягивается большая колонна артиллерии противника. Я шел в разведку и не имел задачи атаковать эту колонну, но в этот момент сразу решил атаковать. Почему так мгновенно пришло это решение, трудно сказать — или опыт уже был, или инстинкт подсказал, но сразу открыл огонь по головке колонны и по хвосту, закупирили с двух сторон, потом стали разбивать.

Немцы сперва разбежались, большая часть убежала в лес. Но потом опомнились и начали нас атаковать. Надо сказать, зубасто, смело атаковали... Что делать? Мы больше всего боялись, что к нам незаметно подберутся, все-таки в перис-

коп всего не увидишь. Поэтому поставили танки целью с широкими интервалами, а до подхода пехоты положили свои радистов с пулеметами. Сами вели огонь из танков, а радисты вели огонь из пулеметов с открытого места, не подпуская к танкам прорывавшихся немцев. Впоследствии выяснилось, что мы захватили целый полк артиллерии.

Потом мы атаковали Волоколамск. Задача приятная: надо взять город, первый город, который освобождали, остался в памяти. Я пошел не с полным боевым комплектом снарядов — все израсходовал слишком рано, но выйти из боя я не мог, не мог остановить атаку. Наконец меня подбили — пробиты башню и меня ранило. Танк же не горел, как горели Т-26, когда в них попадало и воспламенялся бензин, они в одну секунду сгорали. У нас же был газойль. Но вылезти из танка пришлось. Между прочим, когда ведут сильный огонь по танку, по тяжелому танку, то у неопытного человека создается впечатление, что в него все время падают. На самом же деле, когда снаряды разрываются близко от танка, чувствуешь толчки воздуха, словно по не-

му нанесли удар. К этому надо привыкнуть.

Я вылез из танка, и тут меня чуть не убило. На крыше сидел автоматчик и повел по мне огонь. Спас стрелок-радист, сам открыл огонь, дал очередь по автоматчику и убил его. А уже через два часа погрузили меня на У-2 и отправили в госпиталь, он был тогда в Тимирязевской академии.

Во время марша Подольск — Черная Грязь была очень сильная метель, и она берегла танки. Мы не хотели никаких задержек, и шли, а чтобы не заблудились танк, засветили фары — метель, авиация не летает, а сами побежали бегом перед танками, и так то шли, то бежали всю ночь.

Вы спрашиваете, какое состояние у танкистов после боя? Во-первых, усталость, неважно слышится, утомление от всего пережитого. Утомление физическое — от пороховых газов,

от грохота, особенно если был под сильным обстрелом, от грохота собственных выстрелов, от тряски. Потом еще усталость от того, что пользуешься перископом. Когда вы выскакиваете из танка на волю и вдруг начинаете вокруг себя смотреть — это резкий контраст, совсем другой мир. Казалось бы, вы должны уже привыкнуть к перископу, к ограниченности поля зрения, но привыкнуть к этому все равно не можете. Ограничение это утомляет, как бы все время хочется вырваться на волю из него, увеличить обзор за пределы достигаемого... В общем, чувствуете большую, очень большую усталость и некоторую апатию. Потом выпьете граммов водки, поешьте, и понемногу проходит это чувство, оживляешься. Если надо что-то делать, приходишь к себе и засыпаете уже спокойно.

Приглашает

«Фотоцентр»

Воспоминания солдата войны мы решили дополнить фотодокументами периода битвы за Москву. Перед вами — съемка известного советского фотомастера Самария Михайловича Гурария, прошедшего всю войну фотокорреспондентом, пропустившего ее через себя, прожившего эту великую трагедию народа и оставившего память о ней в фотографиях, которые обошли многие страны мира.

Сегодня в фотоцентре на Гоголевском бульваре проходит его выставка. Очень советуем посмотреть! Впечатление, словно прожил со страной ее нелегкую, но и славную историю.

На снимках 1941 года: Битва за Москву. Подольское. Уходят от фашистов. Барсова сдает ценности в фонд обороны. Парад на Красной площади.